

УДК 316

РЕГИОНАЛЬНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ КАК АКТУАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

И. Ю. Макаrchук

*Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета
Красноярск, Российская Федерация
e-mail: faler2007@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей формирования системы региональной устойчивости в условиях кризиса монополярных геополитических проектов. Дается характеристика социальных трансформаций, характерных для современного мирового сообщества. Автор раскрывает специфику взаимоотношений в глобально-региональном мироустройстве. Создание адекватных принципов новой мировой системы предполагает обращение к историческим корням общества, в которых происходила самоидентификация конкретного социума. Авторская позиция базируется на тезисе, согласно которому регион занимает особое положение в ряду важнейших субъектов глобализации. Рост авторитета региона как реального субъекта мировой политики обусловил востребованность новой системы противодействия глобализационному давлению. Новая система устойчивости была обусловлена самодостаточностью отдельных частей мирового пространства. Кроме того, формируется новая система взаимоотношений между отдельными частями геополитического пространства. Активизация регионального вектора также обусловлена угрозой потери социокультурной идентичности. Автор раскрывает специфику взаимодействия глобальных и региональных факторов в кризисном социальном пространстве. Автор приходит к выводу, что закономерное стремление человечества к интеграции не исключает региональной активности в экономической и культурной областях. В статье показано, что решение проблем современной России предполагает учет традиций, исторически сложившихся на территории огромного евразийского региона.

Ключевые слова: региональная устойчивость, социальная эволюция, форма правления, мировое сообщество, социальные трансформации.

Для цитаты: Макаrchук И. Ю. Региональная устойчивость как актуальная научная проблема // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, №3. С. DOI: 10.15372/PEMW20200303

DOI: 10.15372/PEMW20200303

REGIONAL SUSTAINABILITY AS AN ACTUAL SCIENTIFIC PROBLEM

Makarchuk, I. Yu.

*Institute of Pedagogy, Psychology and Sociology, Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation
e-mail: faler2007@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to studying the peculiarities of the formation of a regional stability system in the crisis of mono-polar geopolitical projects. The characteristics of the social transformations peculiar to the modern world community are given. The author reveals the specifics of the relationship in the global-regional world order. The creation of adequate principles of the new world system involves appealing to the society historical roots, where self-identification of a particular society took place. The author's position is based on the thesis that the region occupies a special position among the most important subjects of globalization. The growing authority of the region as a real subject of world politics has led to the demand for a new system to counter globalization pressure. Separate part self-sufficiency of the world space has caused a new system of stability. In addition, a new system of relations between parts of the geopolitical space is being formed. The threat of sociocultural identity loss determines the regional vector activation. The author reveals

the specifics of interacting global and regional factors in the crisis social space. The author concludes that humanity natural desire for integration does not preclude the regional activity in the economic and cultural fields. The article shows that solving the problems of modern Russia involves taking into account the traditions historically developed in the vast Eurasian region.

Keywords: regional sustainability, social evolution, governance, global community, social transformations.

For quote: Makarchuk, I. Yu. [Regional sustainability as an actual scientific problem]. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire* = *Professional education in the modern world*, 2020, vol. 10, no. 3, pp. DOI: 10.15372/PEMW20200303

Введение. Регион как устойчивая социальная единица представляет собой перспективную модель гармоничных отношений в будущем глобально-региональном мироустройстве с позиций футурологии. «Развитие и усложнение организации социума, переход от индустриального типа общества к информационному, к новым технологическим укладам обуславливает нелинейность его развития, выраженную в противоречивых социальных процессах, носящих циклический, волновой характер» [1, с. 1625].

Региональная социально-политическая и экономическая устойчивость представляет интерес для ученых различных научных школ и направлений.

Во-первых, устойчивость как особая научная категория является важным критерием цивилизации любой страны, тем более России, пережившей известные катаклизмы в XX веке. Распространенное представление об устойчивости основывается на западном понимании вестернизированного мира, то есть эта устойчивость предлагает имманентные неравенства отдельных регионов и стран.

Во-вторых, актуальность исследований региональной устойчивости резко возрастает вследствие геополитических трансформаций последних десятилетий, которые стали следствием целого ряда мировых событий: а) распада СССР; б) попыток создания единой Европы; в) признания мирового терроризма общемировой угрозой; г) агрессивных претензий США на сохранение монополярной мировой системы.

В-третьих, актуализация проблем, связанных с региональной политикой современности, обусловлена переходным состоянием мировых сообществ от моноцентрического к полицентрическому. Эта ситуация предполагает вкладывание новых смыслов в традиционные дефиниции, обслуживающие сложившуюся теорию международных отношений. Новая интерпретация сущности межрегиональных отношений требует уйти от стереотипов и научиться вырабатывать новые, нетрадиционные подходы как к отдельным регионам, так и к крупным региональным объединениям.

Кроме указанных причин в современной мировой политике возникает необходимость заменить субъект-объектные отношения, характерные для эпохи глобализации, на более гармоничные межрегиональные взаимодействия, где государство будет сохранять свою устойчивость. В современном мире устойчивость по-разному понимается учеными, которые представляют различные концепции, где базисными выступают различные законы. Можно отметить следующие ведущие концепции: 1) концепция коэволюции; 2) концепция планетарного разума; 3) концепция глобальной технологии. Можно утверждать, что эти концепции охватывают ведущие сферы человеческой деятельности, поэтому их можно рассматривать в качестве базовых законов для глобалистики, которая, в свою очередь, задает вектор всей гуманитарной науке. На этой основе формируются более конкретные социальные законы и закономерности, которые можно использовать для выработки концепции «устойчивого региона».

Постановка задачи. Попытка замены биполярной системы на однополярную, выстроенную по стандартам западного мира, которая была предпринята после падения СССР, не увенчалась успехом. Однако одним из результатов глобализационного давления стала регионализация, которая в последние десятилетия приобрела хаотический характер, в связи с чем особо актуализировалась проблема стабильности отдельных региональных систем. Несмотря на остроту этой проблемы и ее интеграционный характер, данное направление не получило достаточного количества научных исследований. Социально-философское исследование региона как наиболее активной социальной единицы устойчивости в глобальном мире помогает осознать особенности современного глобализационного давления. Сторонники идеологии глобализма, проявляющейся в его крайней вестернистской форме, игнорируют факторы, которые определяют вектор исторического развития концертного социума. Тем более, они не в состоянии разработать концепции, снижающие уровень социальной энтропии и придающие регионам определенную степень устойчивости. Более того, в условиях универсализации мирового пространства попытка давления на регионы достигает довольно высокого уровня, что может вызвать ответную реакцию в виде региональных конфликтов. Такие конфликты, как показала практика, очень сложно

предотвратить, потому что они свидетельствуют о разбалансированности подобной социальной системы. «Одной из самых больших катастроф современного человечества является крушение системы сложившихся ценностей, что проявляется, в частности, в их обесмысливании. Все это приводит к утрате всего спектра чувств по отношению не только к прошлому, но и к настоящему» [2, с. 969].

Методология и методика исследования. Системный анализ таких сложных социальных систем, как регион, предполагает четкое разделение исследований на два направления. Сторонники первого подхода стремятся описать подобные системы посредством формальных средств, что часто предполагает исключительно внешнюю характеристику изучаемого феномена, а также предложение по ее оптимизации с целью максимально полезного функционирования всей социальной структуры. При втором подходе подчеркивается тесная связь системного анализа с принятием решения, что свидетельствует о конкретном выборе среди нескольких возможных альтернатив.

Системный кризис цивилизации потребления порожден техногенным характером западной цивилизации, которая характеризуется рациональным индивидуализмом. Однако приоритет рационального над духовным ставят человечество на грань катастрофы, потому что приземление всех человеческих помыслов на уровень инстинктов выхолащивает саму человеческую сущность. Внешняя направленность формирует сиюминутное отношение к окружающему миру, что уже привело западную социально-экономическую мысль к сугубо рационалистическому пониманию устойчивого развития. Однако «устойчивое развитие призвано отвечать потребностям человеческого существования в настоящем, не ставя под угрозу существование будущих поколений» [3, с. 123–124], поэтому конечной целью развития общества является ситуация, когда условия жизни и использование ресурсов удовлетворяют потребностям людей, а целостность, стабильность природной системы при этом не подрывается.

Социально-философский подход к проблеме региональной устойчивости способствует адекватному пониманию особенностей современного глобально-геополитического мира и во многом определяет государственную политику в социальной сфере. Если рассматривать регион в качестве субъекта международных отношений, то регионализация выступает оптимальной формой будущего мироустройства, поскольку предполагает учет цивилизационного подхода. В частности, в работах К. Ясперса на первый план выдвигается идея полярности цивилизаций, где он указывает, что изначальная полярность в той или иной модификации проявляется на протяжении столетий [4, с. 115–116]. Из этого факта следует, что потребность в устойчивой системе, которая заметна уже на уровне регионов, возрастает пропорционально падению привлекательности идей глобалистики, доказывая несостоятельность однополярной системы. Можно утверждать, что устойчивость субъектов мировой политики тесным образом связана с постепенным формированием глобально-региональной системы мироустройства. На этом пути ожидаются серьезные проблемы, что обусловлено существующими противоречиями между глобальными и региональными социальными тенденциями, которые, в частности, ярко проявляются в попытках формирования единой Европы.

Можно утверждать, что отказ от социальных институтов, исторически сложившихся в данном обществе, приводит не только к тому, что этот социум теряет свою идентичность, создавая условия для продвижения идеи мондиализма, то есть попытки формирования единого мирового правительства. Все чаще ученые и практики высказывают сомнения в возможности создания новой общности на базе европейских народов, о чем, в частности, свидетельствует невозможность принятия единой общеевропейской конституции, свидетельствующей о наличии устойчивого правового базиса для появления единого европейского государства [5]. Тем не менее европейский подход имеет реальные каузальные неразрывные связи, которые поддаются изучению, поскольку отражаются в соответствующих источниках. Именно поэтому в последнее время все чаще ставится вопрос о необходимости учета особенностей европейского регионализма. Несмотря на значительное количество различий, в соответствующих европейских документах можно отыскать важное смысловое единство, когда возникает вопрос об исторической преемственности, а также смысловой целостности, поскольку они составляют основу нашего существования [6, с. 605–606]. Максимально полно эти процессы проявляются на региональном уровне, поэтому проблема региональной устойчивости становится все более актуальной и востребованной в России. Например, особое геополитическое положение Сибири, которое проявляется, в частности, в активизации евроазиатского вектора в общественном развитии России, принципиальным образом отражается на качестве образовательного процесса, создавая дополнительные проблемы для преподавателей дисциплин гуманитарного блока.

Исследование региональной устойчивости предполагает учитывать разноплановость и противоречивость позиций не только теоретиков, но и практиков. Во-первых, социально-философский анализ региональной устойчивости дает возможность определить возможность реализации оптимального сочетания глобальных и региональных интересов с целью построения бесконфликтного общества.

Во-вторых, особо востребованными являются концепции, которые раскрывают принципы функционирования современных социальных институтов на уровне конкретного регионального объединения. В-третьих, специфика региональной устойчивости в работах современных авторов, как правило, анализируется через призму конкретных направлений деятельности, которые носят сугубо прагматичный характер, что особо проявляется в проблематике, обусловленной экологическим взаимодействием. Кроме того, исследование региональной устойчивости позволяет учитывать тот факт, что на современном этапе человек и общество претерпевают быстрые и кардинальные изменения, где связь традиций порой оказывается эфемерной. Усиленное развитие процессов информатизации, цифровизации представляется как позитивный научно-технический прогресс. Однако его широкое внедрение в общественные процессы требует специальных антропосоциальных экспертиз [7, с. 2460], что не всегда удается осуществить на отдаленных территориях такого огромного государства, как Россия.

Степень региональной устойчивости обусловлена также геополитическими факторами. Именно поэтому на первый план выдвигается необходимость обобщенного социально-философского анализа устойчивости регионов в условиях сохранения основных глобализационных тенденций и претензий ведущих субъектов глобализации на ведущую роль в мире и возрождение монополярного мироустройства. Кризисная ситуация в современном мире, вызванная, в частности, насильственной глобализацией, востребует концепцию устойчивости, которая выступала бы в качестве альтернативы современным сценариям мироустройства, которые характеризуются доминированием конкретной культуры, что максимально проявляется в агрессивной политике стран, которые выступают в роли субъектов глобализации. В этом плане актуально звучат слова Н. В. Старикова: «Если государство и власть не вмешиваются в процессы внутри страны, то очень скоро не будет ни этой власти, ни этого государства. Либеральная демократия – это процесс на экспорт, с помощью которого власть хотят лишить главной функции – управления социальными процессами. Такая власть распадается и исчезает» [8, с. 148].

Можно утверждать, что одной из ведущих задач современности является разграничение понятий, которые описывают глобальные процессы, и понятий, раскрывающих регионализм как одну из ведущих тенденций современности. Однако в регионах, как правило, сложился свой микроклимат, который принципиальным образом влияет на формирование социальных институтов. Например, воспитательная миссия вуза в малом городе заключается в создании условий для развития профессиональной компетентности обучающихся, их духовно-нравственного и культурного развития, гражданского становления, обогащения личностного и профессионального опыта, созидательного решения общественных и личностных проблем, а также для содействия социальной и творческой самореализации, приобщения их к здоровому образу жизни [9, с. 1056].

Результаты. Региональная устойчивость во многом обусловлена проблемой самоидентификации, которая тесно связана с проблемой общечеловеческих ценностей и их различного понимания, например, в западной и восточных традициях. Мы исходим из тезиса, что аксиологический аспект должен не только присутствовать в процессе самоидентификации, но и играть ведущую роль. Дело в том, что диалектический подход к регионализации предполагает позиционирование ее в качестве реальной альтернативы глобализационному давлению. Подобный подход предполагает исследование устойчивости региона в социальном, экономическом, культурном отношениях, что пока не в полной мере проявляется в социально-философских работах. Игнорирование исторической взаимообусловленности отдельных регионов привело к многообразию исследовательских подходов для решения проблем, связанных с региональной устойчивостью. Во многих из них игнорируется геополитическая специфика конкретных регионов, сформировавшихся в результате глобальных тенденций. Вполне естественно, что подобная ситуация не способствует единству России, которая на протяжении столетий объединяет множество регионов, а в последние годы все чаще проявляет себя в качестве принципиального геополитического игрока.

Поиск устойчивых тенденций существования человечества часто подвергается идеологическому прессингу, не позволяющему учитывать особенности бытия на уровне конкретных социальных единиц. Современный этап в этом смысле типичен: как и в прежние века, человечество ищет истину, однако университеты и школы как специфические для каждого времени пространства диалога поколений, творческого диалога человека и культуры продолжают развиваться. Изменяются их формы и уточняются в сражении с консьюмеризмом и коммодификацией их приоритеты, функции. В этом плане вполне можно согласиться с позицией М. Леонтьева, который уверен, что «современный суверенитет определяется не каким-либо международным правом, которого нет, не было и не будет за рамками баланса сил, а его материальными предпосылками – экономическими, идеологическими и культурными, военно-политическими» [10, с. 7].

Понятие устойчивости в контексте региональных тенденций современности позволяет противостоять традиционной позиции субъектов насильственной глобализации, которые нивелируют рели-

гиозные и национальные особенности, поскольку рассматривают весь мир как объект манипуляций. Региональная устойчивость – альтернатива глобализационному давлению, позволяющая адекватно оценивать закономерное стремление народов к самоопределению. В качестве примера особой востребованности выработки системы региональной устойчивости можно привести образование. «Вызовы времени заставляют переосмыслить роль системы образования в процессах реконструкции индустрии и перехода к шестому технологическому укладу, что требует по-новому взглянуть на задачи построения «цифровой» экономики и специфику подготовки современных трудовых ресурсов, в том числе инженерных и гуманитарных кадров.

Региональная устойчивость в полной мере иллюстрирует диалектический закон единства и борьбы противоположностей, поскольку именно на этом уровне максимально проявляются противоречия между социальными процессами. Подобные процессы максимально проявляются на макро- и микроуровнях, поэтому регулирование их, а также разрешение указанных противоречий часто происходит на пограничном уровне. Современные модели глобализации, провоцирующие нарастающий процесс унификации и стандартизации мира, особо актуализируют проблему региональной устойчивости как реальной защиты уникальности каждой отдельной культуры во всем мире. Ярким примером, иллюстрирующим указанные аспекты, связанные с устойчивостью региона в глобальной системе, может стать попытка введения в образовательный процесс предмета «Основы религиозных культур и светской этики», что было продиктовано потребностью усилить нравственное воспитание детей в школе. Известно, что эту миссию всегда блестяще выполняла литература в светском аспекте, в соответствии с методологией науки и одним из главных принципов дидактики – принципом научности. Изучая дисциплину «Основы религиозных культур и светской этики», учащиеся получают ненаучные религиозные знания, основывающиеся на вере, которые неизбежно будут формировать в той или иной мере религиозное мышление, религиозное мировоззрение, религиозные ценности и религиозную антинаучную картину мира. Результат будет таковым из-за игнорирования менеджерами образования выводов научного сообщества» [11, с. 1615].

Если бы среда существования человека и общества оказалась более безопасной, то уменьшилась либо вообще отпала бы необходимость в защитных средствах обеспечения безопасности. Именно поэтому возникает идея обеспечить дальнейшее развертывание глобализации через устойчивое развитие [12]. Среди важных задач социальной системы на одно из первых мест выдвигается воспитание духовной консолидации полиэтнического общества в единый сплоченный народ, что обусловлено полиэтничностью российского социума. Большое значение для формирования чувства идентичности конкретного социума приобретают, хотя это кажется парадоксальным, нарастающие социальные кризисы. Несмотря на уничтожение социокультурных традиций, которые сформировались на протяжении столетий, подобные кризисы дают возможность четко высветить те потенциальные, скрытые до поры, черты культуры, которые вынуждают пересмотреть традиционные представления относительно своей идентичности. Дело в том, что потребительское общество все больше теряет способность сохранять привлекательность своего опыта в качестве образца для других обществ, что приводит к принципиальному изменению в социальных структурах. Здесь особо ярко проявляется одна из ведущих проблем современного Запада, которая ««касается разрушения духовной среды – иссякания морально-мотивационных источников поддержания социального порядка» [13, с. 40].

Устойчивость региона, как показывает исторический опыт России, во многом обусловлена диалектикой противоречий, которые мы наблюдаем во взаимоотношениях различных социальных процессов, характеризующих конкретный регион. Разрешение ведущих противоречий обусловлено спецификой формирования региона, а также вызвано многообразными межрегиональными связями, которые носят более аморфный вид, чем традиционные межгосударственные отношения.

Еще один важный аспект, принципиальным образом влияющий на алгоритм формирования системы региональной устойчивости, детерминирован тем фактом, что социальные институты в современной практике ориентированы на федеральный уровень. В качестве примера можно привести региональные учебные заведения, которые даже в разработке «Краеведения» боятся проявить свою инициативу. Понятно, что они обязаны опираться на общегосударственные стандарты, однако в данном случае подобная перестраховка представляется излишней. Такая практика создает условия для игнорирования многообразного социального опыта, аккумулированного на уровне регионов, тем более что он опирается на мощный социокультурный базис, выработанный веками. Если мы возьмем в качестве примера сибирский регион, то должны будем признать тот факт, что он может вызывать закономерный интерес в решении геополитических проблем, потому что этот регион отражает опыт межнациональных и межрелигиозных взаимоотношений, который был успешно апробирован на протяжении веков. К сожалению, конкретные примеры подобного рода представлены в вузах только в качестве узких спецкурсов,

что не дает возможности постигать подобные исторические примеры на должном уровне и делать соответствующие выводы. Именно поэтому уникальный опыт устойчивого сосуществования отдельных регионов не использовался и даже не всегда был известен для политиков-практиков.

Сложность проблемы становления региональной устойчивой системы вызвана также тем фактом, что в отечественном обществоведении за основу берется западноевропейский опыт управления обществом. Подобный подход все чаще демонстрирует свою несостоятельность, особенно при решении сложнейших национальных и религиозных противоречий. Практика последних десятилетий свидетельствует о том, что значительная часть концепций, взятых за основу для реформирования социального бытия, не создает социальный базис для устойчивости. Более того, проекты, бездумно заимствованные у западной элиты, не только не обладают признаками устойчивости, но и представляют собой конфликтонесущий потенциал из-за трудностей с адаптацией чуждой системы ценностей в отечественных условиях. Данный тезис наглядно иллюстрируют искусственно насаждаемые в нашем обществе проекты («мультикультурализм», «ювенальная юстиция», «толерантность» и т.п.) экспериментов с общественным сознанием, которые вызывают отторжение, поскольку создают условия для расшатывания общества уже на уровне регионов. Более того, насильственно внедряемые образцы западной культуры ставят под сомнение устойчивость не только отдельных регионов, но и всей страны, поскольку несут в себе потенциальные социальные конфликты.

Альтернативы решения региональных проблем оцениваются с позиции длительной перспективы. В процессе принятия решений принципиальное значение приобретают субъективные факторы, и в соответствии с этим разрабатываются процедуры широкого использования качественных суждений в согласовании различных точек зрения. Поскольку под регионом мы понимаем элемент федерального государства, то представляется вполне естественным, что система власти в регионе может рассматриваться в качестве элемента политической системы всего государства. Отсюда следует, что говорить об устойчивости в мировом масштабе пока не приходится, поэтому регион нами рассматривается как часть мирового пространства, которая пока не может выступать в качестве единой модели.

Устойчивость в политической сфере общества также может по-разному восприниматься, поскольку здесь принципиальную роль играют менталитет, национальные и региональные особенности. К примеру, устойчивость в кавказском понимании – это в первую очередь наличие равновесия между отдельными кланами, семьями и тому подобное. Именно нарушение этого элемента провоцирует потенциальное разбалансирование системы сложившихся отношений между регионом и Москвой. Наглядным примером в этом отношении является Чечня, где Кадыров добился устойчивости за счет, с одной стороны, доминирования конкретного клана, а с другой – благодаря четкой договоренности с центром. Тем не менее подобные примеры не являются типичными из-за отсутствия единой четко выраженной национальной и общегосударственной политики. Именно поэтому чаще всего гарантии устойчивости конкретной губернии являются следствием определенной политики губернатора и его приближенности к Кремлю. Частично указанные проблемы устойчивости могут решаться на уровне федеральных округов, которые могут и должны взять на себя часть функций по развитию региона в его самодостаточной форме. Таким образом, региональная устойчивость – это баланс властных структур в системе «губернатор – федеральный округ – федеральные власти».

Стабильные в своей социальной системе общества тесно связаны с устойчивостью отдельных социальных институтов. Мы частично затронули образование как устойчивый социальный институт, однако необходимо отметить, что и другие элементы социальной структуры общества могут быть в той или иной степени устойчивыми в зависимости от политики, проводимой местными властями в первую очередь. Например, проблемы системы социальной защиты в плане пенсионного обеспечения и т. д. связаны с нерешенностью этого вопроса на общегосударственном уровне. Попытка переместить решение подобных проблем на местный уровень справедлива, однако она может дать эффект только при условии, если федеральный центр предоставит больше свободы регионам, заинтересовав их в решении местных проблем. Подобная ситуация наблюдается в образовании и здравоохранении, где местные власти являются свободными в выборе тех или иных действий, однако привязаны к системе региональных дотаций.

Проблема социальной устойчивости включает в себя систему отработанных гарантий по выживанию двух самых незащищенных категорий – детей и стариков, а также отсутствие дискриминации на национальном и религиозном уровнях. Наименее разработанными в этом отношении являются проблемы взаимоотношений местного населения и «чужих». Это новая проблема и механизмов ее решения не существует в принципе, однако политологи и социологи предупреждают, что эта проблема не только будет обостряться, но и может стать поводом для серьезного социального конфликта. В этом плане устойчивость региона означает взаимопротекание проблем социальных в экономические и да-

лее, в политическую составляющую общества. Можно привести множество примеров, показывающих, что засилье рабочих иммигрантов явилось дестабилизирующим фактором, то есть не только приводило к дисгармонии взаимоотношений между регионом и центром, но и создавало проблемы на международном уровне. Вот почему в социальном плане под устойчивостью региона нами понимается обеспечение оптимальных условий для сохранения общества в кризисных условиях, а также формирование оптимального социально-экономического механизма, гарантирующего воспроизводство конкретного социума. Для реализации проекта социальной устойчивости большое значение имеют исторические традиции, менталитет, а также соответствующие международные конвенции.

Для понимания сущности региональной устойчивости в кризисные периоды важно обратить внимание на демографический аспект проблемы. Несмотря на то что демографический фактор внешне менее заметен, чем экономический, он может оказаться более радикальным дестабилизатором, чем все остальные. Это связано с особенностями демографического развития региона и трудной прогнозируемостью этого явления, ведь, например, отток населения из определенного региона может быть связан не только с тем, что отсутствует работа для мужской половины населения. В этом случае экономический фактор превращается в социальный, который в свою очередь приведет к более сложным факторам неустойчивости региона, поскольку осевшие иммигранты рано или поздно начнут заводить семьи, еще больше усугубляя комплекс неполноценности среди мужского населения региона. Если же социосфера функционирует в состоянии близком к равновесию, то в ней создаются предпосылки перехода к качественно различным уровням своего гомеостаза, что обусловлено законом расширенного воспроизводства, когда «опускаясь или поднимаясь по ним или в соответствии с принципом "наибольшего" или опускается в соответствии с принципом "наименьшего"...» [14, с. 207].

Коллективная и индивидуальная ответственность за жизнь человечества в целом и каждого человека в отдельности выходит за рамки настоящего, требуя не только глобального взгляда на окружающую действительность. Определяющим фактором в реализации этого онтологического проекта выступает уровень «духовного» развития человеческого общества в целом и развитие отдельного индивида как «духовно-нравственной» личности. «В обществе постмодерна под воздействием высоких технологий конструируется образ будущего, формируется иная социокультурная действительность, наполненная новым содержанием. Образ высокотехнологичного будущего формирует в культуре новые представления о мире и человеке, новое знание, новые ценности и нормы, осознанные и неосознанные цели. Сегодня ускоряется потенциальное влияние технологий на социокультурную среду и самого человека, непосредственно воздействуя на его биосоциальную сущность и духовные основания. Человек становится объектом манипуляций» [15, с. 135–136]. Вместе с тем, как справедливо подчеркивал Н. А. Грыкалов, в той ситуации, когда «радикальное устранение насилия (фанатизм либеральной гармонизации социальных отношений – в виде этики дискурса, коммуникативного действия и т.д.), вытеснение его на периферию социальных действий, оказывается не менее катастрофичным и ведет к деградации общества – оглушению социальной монады. Таково счастье «последних людей» – политкорректность и права человека...» [16, с. 79].

Возврат к биполярному мироустройству является насущной задачей ближайшего геополитического будущего, потому что попытки конструирования однополярного мира доказали свою несостоятельность. Особую роль должна сыграть Россия, которая отличается многоконфессиональностью и разнообразным национальным составом. Тем более что именно на территории такой страны, как Россия, соприкасаются Европа и Азия, что на протяжении веков проявляется в противостоянии Запада и Востока. Вот почему Россия призвана сыграть ведущую роль в стабилизации политических процессов на международном уровне.

В самоидентификации общества особое значение приобретают острые социальные кризисы. Именно на региональном уровне появляется возможность моделировать процессы устойчивости более широкого масштаба, поскольку: а) на уровне региона легче отслеживать реальные социальные процессы, которые также проявляются и в больших масштабах; б) в социальном микропространстве появляется возможность оперативно реагировать на потенциально кризисные ситуации; в) региональный опыт более пригоден для трансляции, потому что доступен на бытовом уровне; г) механизмы социальной устойчивости более четко срабатывают на уровне региона, ведь они обусловлены инстинктом самосохранения, проявляющимся на уровне конкретных социальных единиц.

Выводы. Устойчивость российского общества формировалась как важная составляющая славянского менталитета и была тесным образом связана с успешным освоением труднодоступных регионов Севера, что создавало базис для восприятия окружающего мира как неподвластного человеку основания бытия, а также осознанием пределов управления ими. В славянском мировоззрении каждое явление в силу подобных представлений может отражаться в человеческом сообществе во всех своих

противоречиях, поскольку, согласно славянским представлениям, добро и зло являются равноправными сторонами мироздания. Реальная устойчивость предполагает ряд шагов, которые необходимо предпринять каждому социуму. В частности, Россия должна избавиться от комплекса неполноценности, который на протяжении нескольких столетий навязывается нашей стране и обществу. Стремление к устойчивости должно в первую очередь проявиться в новом взгляде на отечественную историю. Многие трансформации в России начались с пренебрежительного отношения к историческому прошлому, что в крайних случаях проявлялось в прямом отрицании его героических страниц. «Не отрицая того, что каждой стране необходим собственный путь развития на основе национально-ориентированных ценностей, следует сказать и об опасностях на этом пути. Приоритет национального над общечеловеческим в ситуации глобальной взаимозависимости должен быть прагматически выверен. Во всяком случае, он не может быть безусловным, поскольку речь идет о целостной системе, чем, собственно, уже и стало мировое сообщество. Отсюда различные субъекты международных отношений, во всяком случае большие системообразующие страны, каковой является в России, должны проявлять гибкость, чтобы не стать на путь конфронтации не только с развитым Западом, но и с остальным миром» [17, с. 399].

Современный этап глобализации обусловлен возникновением новых дискурсов, которые характеризуют ценности, формирующиеся на уровне социальных систем. Они могут способствовать или препятствовать устойчивости конкретного социального института. В частности, для понимания роли регионального фактора в выработке устойчивости всей государственной системы важно учитывать, что современное российское государство с самого начала своего существования формировалось как империя, представляющая собой форму совместного сосуществования разнообразных по своей сути социокультурных объединений. Устойчивость подобной имперской структуры обусловлена единством русского народа, которое в истории испытывалось на прочность многократно. Понимая основы мощи русского государства, многие враги России стремились расколоть русское общество по национальному или конфессиональному признакам, а иногда по всем линиям разлома одновременно. Однако народное единство становилось важным рубежом, не преодоленным врагами, что позволяло избавиться от всех навязанных, а также инспирированных противоречий.

Анализ роли регионального фактора в формировании системы устойчивости показывает, что от глобализации страдает в первую очередь культура конкретного региона, поскольку в результате глобализационного давления происходит нивелирование социокультурных основ конкретного этноса. В русском социальном пространстве аккумулирован позитивный опыт устойчивости как восточных, так и западных обществ. Можно сказать, что именно в России выработана методология конструктивного взаимодействия между Востоком и Западом. Результатом активного взаимодействия европейских и азиатских культур является устойчивость конкретного региона благодаря тому, что на протяжении тысяч лет русские люди учились гармонично сосуществовать друг с другом, хотя Россия отличается разнообразием этносов и религий.

В России в последние годы вектор социального развития все больше начинает соответствовать менталитету и историческим традициям, тем более что Запад продолжает рассматривать не только всю Россию, но и ее отдельные регионы в качестве догоняющих. Вот почему основной проблемой для многих самодостаточных регионов является сохранение единства человечества на базе исторических судеб каждого социума, однако это трудно сделать на базе западных ценностей, которые базируются на основе культурной антропологии, прикрываясь при этом «цивилизационным плюрализмом». Социал-дарвинистскому давлению подвергаются все незападные регионы, которые теряют право на полноценное человеческое существование. Вот почему в деятельности каждого социума важно рассмотреть общечеловеческие черты, не отрекаясь от социокультурного своеобразия не только конкретного социума или целого региона. Именно поэтому важно сохранить достоинство каждого человека, живущего в конкретном регионе, транслируя общечеловеческие страдания для формирования ведущих черт современника, «права и достоинство которого предстоит спасти» [18, с. 165].

Можно заключить, что проблема выработки региональной устойчивой системы состоит в том, что устойчивость ассоциируется исключительно с западным социальным опытом при полном игнорировании отечественных традиций. К тому же многие из навязанных российскому обществу проектов социальной устойчивости имеют конфликтонесущий базис, формирующийся на чуждой системе ценностей. Культивирование искусственных социальных проектов не может способствовать формированию базиса устойчивости как для конкретного региона, так и на уровне целой страны, что способно спровоцировать серьезные конфликты. Однако региональные проблемы появляются как результат социальных трансформаций, поэтому решение глобальных проблем возможно только при максимальном учете разнообразного регионального опыта.

Таким образом, научное исследование региона как наиболее активной социальной единицы, способной выполнять роль устойчивого элемента мироустройства, позволяет противостоять традиционной

позиции субъектов насильственных глобализационных процессов, при которой региональные социальные структуры рассматриваются в качестве объекта глобализации. При таком подходе нивелируются религиозные, национальные и другие особенности конкретного региона. Именно устойчивость регионов гарантирует не только России, но и всему мировому сообществу адекватное мироустройство, где возможно сохранение своей социокультурной идентичности и соответствующей роли в мировой истории. Подобный подход «отражает направленность идеи устойчивого развития на обеспечение выживания человечества, т. е. на предупреждение опасностей этому выживанию, на их сдерживание в необходимых пределах» [19, с. 128].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горин С. Г. Промежуточные результаты образовательных трансформаций: постнеклассический подход // Профессиональное образование в современном мире. 2018. Т. 8, № 1. С. 1624–1630.
2. Кудашов В. И., Черных С. И., Яценко М. П., Рахинский Д. В. Аксиологические трансформации в глобальном образовании как следствие информационных технологий // Профессиональное образование в современном мире. 2017. Т. 7, № 2. С. 968–975.
3. Кузнецова Н. П. Устойчивое развитие и концепция государства благосостояния в условиях глобализации // Философия человека в историческом контексте. Санкт-Петербург, 2019. С. 123–124.
4. Ясперс К. Смысл и назначение истории. Москва: ИНИОН, 1991. 527 с.
5. Зайфферт В. Что будет с Европейским союзом? // Литературная газета. 2006. 22–28 февр.
6. Трельч Э. Историзм и его проблемы. Москва: Юрист, 1994. 720 с.
7. Ельчанинов В. А., Панарин В. И., Паршиков В. А. Антропосоциальное исследование как научная и образовательная проблема в условиях информатизации и цифровизации // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9, № 1. С. 2451–2463.
8. Стариков Н. В. Власть. Санкт-Петербург: Питер, 2016. 320 с.
9. Мутных Т. А. Особенности среды вуза в малом городе, обеспечивающие развитие общих и профессиональных компетенций // Профессиональное образование в современном мире. 2017. Т. 7, № 2. С. 1055–1057.
10. Леонтьев М. В. Идеология суверенитета // Однако. 2013. Август-сентябрь. С. 3–8.
11. Гурина Р. В. Управленческие эксперименты с содержанием образования и педагогическая наука: телега впереди лошади // Профессиональное образование в современном мире. 2018. Т. 8, № 1. С. 1610–1617.
12. Урсул А. Д. Обеспечение безопасности через устойчивое развитие // Безопасность Евразии. 2001. № 1. С. 56–69.
13. Панарин А. С. Философия истории. Москва: Гардарики, 1999. 432 с.
14. Кушелев В. А. Метафизическое решение парадокса времени и парадокса пространства как парадокса субъективности. В 2 т. Т. 2. Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2018. 463 с.
15. Черных С. И., Паршиков В. И. «Новая пайдейя», или останется ли человек человеком? / Новосиб. гос. аграр. ун-т. Новосибирск: Золотой колос, 2018. 197 с.
16. Грякалов Н. А. Фигуры террора-2. Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2017. 232 с.
17. Чумаков А. Н. Интернет как новационная форма образования в условиях глобализации // Профессиональное образование в современном мире. 2016. Т. 6, № 3. С. 398–407.
18. Пфаненштиль И. А., Яценко М. П. Онтологический переворот: субъекты и объекты глобализации // Теория и история. 2004. № 1. С. 164–176.
19. Данилов-Данильян В. И. Устойчивое развитие (теоретико-методологический анализ) // Экономика и математические методы. 2003. Т. 39, № 2. С. 123–135.

REFERENCES

1. Gorin S. G. Interim results of educational transformations: a post-non-classical approach. *Professional Education in the Modern World*, 2018, vol. 8, no. 1, pp. 1624–1630.
2. Kudashov V. I., Chernykh S. I., Yatsenko M. P., Raczynski D. V. Axiological transformations in global education as a consequence of information technology. *Professional Education in the Modern World*, 2017, vol. 7, no. 2, pp. 968–975.
3. Kuznetsova N. P. Sustainable Development and the concept of the welfare state in the context of globalization. *Human philosophy in a historical context*. Saint Petersburg, 2019, pp. 123–124.
4. Yaspers K. *The meaning and purpose of history*. Moscow, INION, 1991, 527 p.
5. Zeiffert V. What will happen to the European Union? *Literary Newspaper*, 2006, Feb. 22–28.
6. Trelch E. Historism and its problems. Moscow, Lawyer, 1994, 720 p.

7. Elchaninov V.A., Panarin V.I., Parshikov V.A. Anthro-po-social research as a scientific and educational problem in informatization and digitalization conditions. *Professional Education in the Modern World*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 2451–2463.
8. Starikov N.V. *Power*. Saint Petersburg, Piter, 2016, 320 p.
9. Mutnykh T.A. Features of the university environment in a town ensuring the development of common and professional competencies. *Professional Education in the Modern World*, 2017, vol. 7, no. 2, pp. 1055–1057.
10. Leontiev M.V. Ideology of sovereignty. *However*, 2013, Aug.-Sept, pp. 3–8.
11. Gurina R.V. Management experiments with the content of education and pedagogical science: a cart ahead of a horse. *Professional Education in the Modern World*, 2018, vol. 8, no. 1, pp. 1610–1617.
12. Ursul A.D. Ensuring security through sustainable development. *Security of Eurasia*, 2001, no. 1, pp. 56–69.
13. Panarin A.S. *Philosophy of history*. Moscow, Gardariki, 1999, 432 p.
14. Kushelev V.A. *Metaphysical solution to the paradox of time and the paradox of space as a paradox of subjectivity*. Vol. 2. Saint Petersburg, RKhGA Publ. House, 2018, 463 p.
15. Chernykh S.I., Parshikov V.I. «*New Paideia*», or will a person remain human? Novosibirsk, Gold ear, 2018, 197 p.
16. Griakalov N.A. *Figures of terror-2*. Saint Petersburg, RKhGA Publ. House, 2017, 232 p.
17. Chumakov A.N. Internet as a new form of education in the conditions of globalization. *Professional Education in the Modern World*, 2016, vol. 6, no. 3, pp. 398–407.
18. Pfanenstil I.A., Yatsenko M.P. Ontological revolution: globalization subjects and objects. *Theory and History*, 2004, no. 1, pp. 164–176.
19. Danilov-Danil'yan V.I. Sustainable development (theoretical and methodological analysis). *Economics and Mathematical Methods*, 2003, vol. 39, no. 2, pp. 123–135.

Информация об авторе

Макарчук Иван Юрьевич – начальник отдела локального правотворчества ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», старший преподаватель кафедры информационных технологий обучения и непрерывного образования Института педагогики, психологии и социологии ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юридического института ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет» (Российская Федерация, 660 041, Красноярск, пр. Свободный, 79

e-mail: faler2007@yandex.ru).

Статья поступила в редакцию 26.05.20.

После доработки 29.06.20.

Принята к публикации 01.07.20.

Information about the author

Ivan Yu. Makarchuk – head of the Department of Local Law-Making, Siberian Federal University; senior lecturer of the Department of Information Technologies for Education and Continuing Education, Institute of Pedagogy, Psychology and Sociology, Siberian Federal University; senior lecturer of the Department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Krasnoyarsk State Agrarian University (79, Svobodny Av., Krasnoyarsk, 660 041, Russian Federation, e-mail: faler2007@yandex.ru).

The paper was submitted 26.05.20.

Received after reworking 29.06.20.

Accepted for publication 01.07.20.